

Евгений Сафронов

Коммуникаторы (фантастический роман)

Часть 1. Рондо

Глава 1. Белая река

Впервые я увидел ее в роще, когда мы возвращались вместе с отцом с обязательных полевых работ. Староста давно укатил, поэтому можно было идти не спеша и налегке: все инструменты увезли на телеге еще за час до того, как мы тронулись в путь.

У папы было то редкое настроение, в котором он становился особенно разговорчив, часто шутил, а иногда мурлыкал себе под нос известные только ему мелодии. Я шел рядом с ним по широкой натопанной тропинке, испытывая приятную усталость во всем теле. В тот день мне впервые разрешили немного поуправлять уборочным комбайном. И это было здорово.

Венера стояла на пригорке недалеко от поворота, за которым виднелась синяя крыша нашего дома. Она именно стояла – и больше ничего. Сначала мне показалось, что девочка смотрит мне прямо в глаза, но потом я понял, что ее взгляд устремлен куда-то за меня или даже сквозь меня. Удивленный, я остановился. Отец, тут только заметивший Венеру, нахмурился и, взяв за руку, повел прочь.

– Ну, чего ты на нее уставился? – недовольно прошептал он. – Девчонок, что ли, никогда не видел?

Я спросил, знает ли он, кто она такая. Отец в ответ неопределенно пожал плечами, и всю оставшуюся дорогу мы шли молча.

За ужином я снова попытался расспросить его о встреченной нами девочке, но услышал в ответ только что-то вроде «селят тут кого не попадая». Лишь через несколько дней от братьев Фрезеров из Южного я узнал, что ее зовут Венера и что она теперь наша соседка: вместе с семьей она поселилась в том самом доме, откуда недавно уехали Докучаевы.

– Вот повезло тебе! – говорили Фрезеры. Особенно завидовал Майк, который всегда о чем-то сожалел и любил сравнивать. Но затем, узнав подробности, южане начали смеяться надо мной.

– Мы думали, что это девчонка, а это – настоящая дура! Вот подфартило-то... – гоготали братья.

Я с Фрезерами учился в одном классе, поэтому их насмешки для меня были совсем не в диковинку. Чего стоило прозвище, которое они мне дали еще в начальной школе – «Фея»! Оно приклеилось ко мне намертво, и я искренне ненавидел его авторов. Впереди был целый месяц летних каникул – за это время братья еще раз десять успеют сменить тему своих подколов.

Как потом выяснилось, всех больше из-за нового соседства беспокоился отец, и я его понимал: ведь в нашем доме была своя «чокнутая» – моя мать. Я стеснялся ее и не любил никому про нее рассказывать. Папу такое мое отношение очень огорчало, но он старался этого не показывать.

– Твоя мама – лучшая женщина на свете! И если бы не коммуникаторы... – на этом месте я обычно обрывал его или уходил: зачем слушать то, что тысячу раз уже произносилось?

Во всех семьях Красной долины были свои пострадавшие, но я считал, что в нашем доме это проявляется слишком заметно. По крайней мере, матери, которая уверена, что она – посудомоечная машина, точно не было ни у кого в округе. А в другом состоянии я ее и не помнил.

В следующий раз я повстречался с ней через четыре дня. Я гулял с Кейсом, нашим спаниелем, возле Заречки – небольшого поля, которое обрабатывалось моим отцом (по негласной договоренности со старостой). Поле плавно переходило в лесопосадку, а за ней текла Белая река. В теплые дни я часто купался там; особенно мне нравилось одно место, где можно было, свесившись с толстой ветки дерева, прыгать прямо в воду. Кейс, оглушительно лая, бросался за мной, а после мы выбирались с ним на берег и валялись на желто-белом песке, пока не надоест.

Еще до того, как выйти из лесопосадки, я понял, что мое любимое место занято. Прямо под деревом лежали чьи-то желтые шортики и футболка, а у самого края воды стояли потертые маленькие шлепанцы. Кейс обнюхал все это и уселся на берегу в явном недоумении: хозяина одежды нигде не было видно. Вдруг я услышал смех, а затем кто-то запел тонким голосом.

Пройдя еще несколько шагов, я увидел ровно посередине реки девичью головку. Она была повернута в сторону противоположного берега и поэтому не заметила нас с Кейсом. Я удивился даже не тому, что девчонка находилась там, куда рисковали заплывать только самые отчаянные парни нашего сектора: Белая река славилась своим быстрым течением и водоворотами. Меня поразило то, насколько естественно и спокойно держалась Венера в воде. Создавалось ощущение, что она не плыла, а просто сидела в воде, время от времени хлопая ладошкой по речной поверхности. Зачем она это делала, я не понимал – вероятно, это была какая-то придуманная ею игра. Всякий раз когда ладонь опускалась на воду, раздавался ее смех.

Посмотрев еще несколько секунд на ее игры, я поймал себя на том, что испытываю раздражение и даже злость: мало того, что незнакомка заняла мое место, так ведь еще... Я тогда очень плохо плавал и здорово комплексовал по этому поводу. А тут – девчонка! Посередине Белой реки...

– Э-эй! – закричал я неожиданно для самого себя, и от громкого звука моего голоса пара каких-то птиц с шумом поднялись из местных травяных зарослей. – Чего ты тут купаешься?

То, что последовало далее, до сих пор иногда мне снится, и я просыпаюсь с неприятным ощущением, какое всегда испытываешь от близости смерти. Девчонка на мгновение замерла, ее ладошка, поднятая вверх для удара по текущей воде, остановилась на полпути, и – Венеры не стало.

Голова с каштановыми волосами просто исчезла под поверхностью Белой реки, как будто там никогда и не было никого. Прикрыв глаза от лучей слепящего солнца, я простоял почти вечность, изо всех сил вглядываясь в то место речных водоворотов, где только что смеялась девочка. А затем я бросился в воду.

Кейс отчаянно залаял, оставшись один на берегу. По характерным шлепающим звукам я понял, что он устремился вслед за мной. Но мне было не до него. Чувствуя, как подводные ледяные струи касаются ног, я плыл все и дальше и дальше. Меня стало сносить влево, однако я решил, что это даже к лучшему: ведь и утонувшую девочку тоже потащит в ту же сторону. Спустя еще минуты две-три я почувствовал острую боль в левой щиколотке: с непривычки свело ногу. В ту же секунду кто-то сильный схватил меня за нижнюю часть тела и потащил по спирали вниз...

Окончательно я пришел в себя, лежа уже на собственной постели. Бледное лицо папы склонилось надо мной; в глазах его дрожали слезы.

– Сейчас, сынок, сейчас, – доктор Торонтов уже едет! Как ты?

Я замотал головой и едва успел свеситься с кровати: меня вырвало прямо на ковер. Приехавший Торонтов рекомендовал мне полный покой, а затем долго пил чай с отцом на кухне.

– Ни в коем случае больше его не пускайте одного на Белую речку, Федор Палыч. Ни в коем случае! Вы помните в позапрошлом году случай в Южном? Ведь двое же утонули, двое! – слышал я его громкий противный голос, лежа в своей комнате.

Себя я ненавидел в ту минуту. Обрывочные, но до боли четкие воспоминания о том, как маленькая ручка тащила меня сначала за волосы, а затем за одежду, как меня хлестали по щекам и клали на бок, – всё это во мне было и никуда не могло деться. Стыд заливал мои щеки, и я в отчаянии комкал рукой одеяло. Единственное, что утешало – это посапывание Кейса, лежащего возле моих тапочек. Хоть он и знал о моем позоре, но я ему был искренне рад: ведь он никогда об этом никому не расскажет.

Глава 2. Мамин день рождения

– Тим, я запрещаю тебе с ней общаться, слышишь! За-пре-ща-ю! – тон отца был строг и необычен. Мы заговорили с ним о случившемся на Белой реке вечером следующего дня. От него я узнал подробности вчерашнего приключения: Венера прибежала к нам домой и напугала папу до полусмерти.

– Ты бы ее видел в тот момент – сам бы умер с испугу! – смеясь, говорил он значительно позже. – Вся мокрая, волосы всклокоченные, губы трясутся – и ни слова

понимаешь? Молчит, как рыба. Если бы не Кейс, который прибежал вместе с ней, я бы вообще ничего не понял.

Отец нашел меня на берегу: я дышал самостоятельно, но соображал плохо. Затем он отнес меня домой, а Венеру в тот день больше никто не видел.

– Она – пострадавшая. Общение с ней не приведет ни к чему хорошему! – внушал он, размешивая мед в кружке с чаем.

– Да не собираюсь я с ней общаться! Вот еще! Я и не говорил с ней вовсе... – выдавил я наконец, желая только одного: чтобы он поскорей забыл об этом. А главное – нужно сделать все, чтобы о случившемся ни в коем случае не провели Фрезеры. Я почти видел веснушчатое лицо Ника – самого острого пересмешника в нашей школе, – который, кривляясь, кричал: «Феечку спасла дурочка!». Эта картина заставляла меня бледнеть, а ладони сами собой сжимались в кулаки.

– Как не говорил? – отец поставил кружку и наклонился над столом, внимательно глядя мне в глаза. – Тим, ты что: даже не познакомился с ней?

– Нет! – я был в отчаянии. – И не хочу с ней знакомиться! И говорить об этом больше не хочу. Никогда! Слышишь? Ни-ког-да!

Я выбежал из кухни и заперся в своей комнате. Отец выдержал паузу в полчаса, а затем робко постучал в дверь. Когда я открыл, он молча взял меня за руку и повел на второй этаж. Незачем было спрашивать, с какой целью мы туда идем, ведь в другой руке он держал корзинку с невымытой посудой. Папа знал, что я не любил подобные «походы», и поэтому брал меня с собой на второй этаж крайне редко. Я попадал в мамину комнату лишь по особым случаям: на праздники или во время летних отцовских выездов.

Ее комната не запиралась на ключ: мать все равно самостоятельно не могла оттуда выйти. Я сел на стул, стоявший ближе всего к выходу, и принялся рассматривать стену с семейными фотографиями. Каждая из них была мне хорошо знакома. Всякий раз, когда я глядел на эти снимки, мне становилось досадно: ведь все эти красиво одетые люди не были связаны с нами и нашим миром. Они казались мне пришельцами из далекого космоса, хотя на некоторых из фотографий были запечатлены мои родители.

Отец подошел к большой металлической раковине – главной здешней достопримечательности – и принялся опустошать корзинку. Тут же, словно по сигналу, отодвинулась занавеска, скрывавшая большое коричневое кресло, и лицо папы озарила улыбка. Наедине со мной он никогда так не улыбался. При виде этого существа, которое приближалось к нам, переваливаясь из стороны в сторону на негибающихся ногах, в папиных глазах вспыхивали огоньки. Он выпрямлялся, делался стройнее, и в этот миг для него, вероятно, не существовало больше никого, кроме матери.

– Аннушка, мы сегодня с Тимом! Посмотри, вот он! – отец указал рукой на меня и кинулся в ванну, специально оборудованную для этой комнаты. Оттуда он вернулся с темно-зеленым фартуком в руках.

Мать стояла у раковины, полной грязной посуды. Она была в светло-синем праздничном платье и хорошо причесана. По всей видимости, отец трудился над ее внешним видом все утро. В общем-то, она была худой, но мне мать представлялась страшно толстой и неповоротливой – по всей видимости, из-за ее неестественной манеры передвигаться. На ногах у нее были плетеные тапочки, сделанные отцом.

Папа быстро завязал на ее талии фартук и отошел в сторону, предварительно включив струйку теплой воды. Далее стало происходить то, что я много раз наблюдал: мать механически мыла тарелки и вилки, используя для этого губку. Отец подхватывал передаваемую ею посуду и ставил на столик рядом. Это продолжалось минут десять. Затем он вытер ей руки и сопроводил до коричневого кресла, в которое та опустилась, словно кукла, застыв в полной неподвижности.

Папа нежно поцеловал ей руку, наполовину задвинул серую занавеску, отгораживающую кресло от остальной комнаты, и подошел ко мне.

– Тим, ведь сегодня у мамы день рождения! Ты помнишь об этом? – спросил он с наигранной веселостью и опустился на стул рядом со мной. Я нехотя кивнул. На самом деле это означало, что скоро каникулы закончатся – ведь мать родилась в конце августа.

– Ты бы мог сам ее поздравить, – тихо сказал отец и указал глазами в сторону занавески.

– Не хочу! – я так и знал, что закончится чем-нибудь подобным.

– Тим, тебе скоро тринадцать лет. И я всё выбирал время, чтобы поговорить с тобой, – отец вздохнул и еще раз посмотрел на коричневое кресло, видневшееся сквозь плохо задернутую занавеску. Я внутренне напрягся, готовый дать отпор.

– Ни я, ни мама не виноваты в произошедшем. Твое отношение... Оно дурно. Ты ведешь себя... совсем не так, как надо.

Он помолчал немного, как бы собираясь с мыслями, а потом добавил:

– Мы, кстати, сегодня говорили об этом с мамой – о том, что...

– Ты врешь! Врешь! – я закричал так же пронзительно, как там, на Белой реке. – Ты не мог говорить с ней, потому что она... Потому что она не умеет говорить! Она даже не человек, а посудомойка!

В ответ отец неторопливо приподнялся и отвесил мне порядочную оплеуху. Я вскочил с места, весь взъерошенный и готовый кричать, брыкаться и даже пинаться, если понадобится. Сколько я себя помнил, папа ни разу не поднимал на меня руку.

– Сядь. И послушай, – велел он, не глядя в мою сторону. Испуганный, я не осмелился ослушаться.

– Тим. Так не может дальше продолжаться! Я воспитывал тебя, как умел, но, видимо, из меня никудышный педагог. У нее, – он кивнул на занавеску, – вышло бы гораздо лучше.

Я смотрел на него глазами, полными слез, и чувствовал жгучую обиду. То, что он говорил, не доходило до моего сознания, и я изо всех сил желал только одного: поскорее вернуться из этой комнаты и больше никогда сюда не возвращаться.

– Ты и правда подросток, с тобой можно разговаривать, как со взрослым мужчиной. Ведь ты уже садишься за руль настоящего комбайна! – он попробовал улыбнуться, но я, поджав губы и стараясь не смотреть ему в лицо, все так же сидел на самом краю стула и не шевелился.

Краем глаза я заметил, что он сильно огорчился, увидев, как я реагирую на его слова.

– Ти-им, – почти просительно и очень мягко снова произнес он, – мама и я очень тебя любим, очень. Мы все сделаем для тебя, и ты это знаешь. Но... Нельзя так относиться к ней! Это не по-мужски в конце концов! – его голос дрогнул, и незамеченная им слеза выскользнула из уголка левого глаза, быстро пробежала по щеке рядом с носом и утонула в черных, едва тронутых сединой усах.

Я молчал, крепясь изо всех сил.

– Иди и скажи ей хоть пару слов... Хочешь я выйду и оставлю вас наедине? – он приподнялся со стула. Я медленно кивнул.

Открыв дверь, он повернулся и прошептал:

– Она всё-всё понимает, сынок, поверь! Просто хоть что-нибудь ей скажи, подойди и – скажи, – он вышел из комнаты. Я услышал, как отец большими решительными шагами направился в сторону лестницы.

Посидев с минуту на стуле, я приподнялся и с тоской посмотрел на занавеску. Единственное окно в маминной комнате выходило на двор и было зарешечено тонкой серебристой проволокой. Я подошел к нему и некоторое время смотрел на перистые облака, плывущие по светло-синему небу. Во дворе на куче песка, привезенного прошлым летом из Южного, лежал Кейс. Он, наверное, спал, ожидая, когда я выйду с ним на прогулку.

Уличные звуки сюда почти не проникали, и в комнате стояла гнетущая тишина. Я все надеялся, что на коричневом кресле хоть кто-нибудь пошевелится, и тогда к занавеске

будет не так страшно подходить. Но тишина не уходила, и я вдруг вспомнил, что ни разу не оставался с матерью наедине. От этого стало еще страшнее.

Не выдержав, я сделал сначала один маленький шаг к двери, потом другой и не заметил, как через несколько секунд очутился возле лестницы, ведущей на первый этаж. На ступенях стоял бледный и взволнованный отец.

– Ты ее поздравил? – спросил он тихо. Я кивнул. Он радостно обнял меня и буквально на руках вытащил во двор.

– Иди прогуляйся с Кейсом. А как придешь – у нас будет праздничный пирог!

Я ненавидел себя в тот момент так сильно, что бело-синее небо показалось мне темно-красным и враждебным. Кейс безрадостно плелся сзади, видимо, сочувствуя моему настроению.

Глава 3. В столовой

В школе было два коррекционных класса, которые с легкой руки Фрезеров многими именовались «дебил-румами». Там обучались пострадавшие. Дети из остальных классов их сторонились, так как боялись стать предметом насмешек для остальных. Я знал, что у них была своя программа обучения и что нарушения у каждого ученика проявлялись по-разному. Однако по большому счету «дебил-румы» меня никогда не интересовали – до того самого дня, как в нашу школу впервые не привели Венеру.

Все уроки мигом вылетели из головы, и я целыми днями думал только о том, как бы сделать так, чтобы можно было наблюдать за ней, смотреть на нее – и не быть «застуканным» за этим остальными.

Первые несколько недель после летних каникул прошли, как во сне. Однажды отец, нахмуренный, позвал меня к себе и сообщил, что ему встретилась наша классный руководитель.

– Ты здорово съехал по всем предметам. О чем ты думаешь? Давай-ка, брат, бери себя в руки, чтобы меня больше не беспокоили из школы по таким пустякам!

Хорошо учиться для меня никогда не составляло труда, и вскоре положение поправилось: я наконец-то придумал тактику, позволявшую мне видеться с Венерой и при этом не быть заподозренным хоть в каком-то интересе к ней.

– Хочу быть дежурным по столовой! – объявил я нашему школьному старосте, чем вызвал его искреннее удивление. Это была та обязанность, которая ни в ком не вызывала энтузиазма. Всем ученикам приходилось дежурить раз в неделю: дети помогали мыть посуду, раскладывать еду по тарелкам, подогревать чайник. Я особенно страдал от этого

добровольного рабства, так как всё, что связано с мытьем посуды, возбуждало во мне неподдельное отвращение и страх.

– Ты заболел, что ли, Фея? – Васька Кровельцев покрутил у виска и, не долго думая, поставил мне дежурство на следующий день.

– Не-е, я хочу по средам или по четвергам. Только в эти дни, – объявил я, притворяясь, что мне наплевать на то, о чем говорю. В школе вообще была мода прикидываться, что все твои желания ничего не значат. Только в этом случае ты был застрахован от насмешек и излишнего любопытства язвительных одноклассников.

– Ладно. Нарисую на четверг! – староста поставил галочку в своей тетради и отвлекся на соседа по парте. Честно говоря, я хотел бы теперь дежурить даже два дня в неделю, но справедливо опасался, что это вызовет подозрения остальных.

Весь фокус состоял в том, что столовая являлась единственным местом, где обычные классы пересекались с коррекционными. Во время дежурства можно было пробить в паре с учениками из «дебил-румов» целых полдня. Превозмогая страх, я выведал у старосты Венериного класса их график. Выяснилось, что дежурят у них далеко не все – просто в силу того, что некоторые из пострадавших были не способны помогать в столовой. Это означало, что на оставшихся приходилась двойная нагрузка.

Девочки из их класса дежурили каждую неделю в среду и четверг. Мне данной информации было вполне достаточно.

Лишь на третью неделю моих дежурств я попал в пару с Венерой. Я сделал вид, что ни капли не заинтересован в своей напарнице, хотя сам сгорал от любопытства и использовал малейшую возможность, чтобы оказаться поближе к ней.

Главное открытие состояло в том, что она – вовсе не такая маленькая, как мне представлялось прежде. Ростом она была всего на несколько сантиметров ниже, чем я; руки и пальцы действительно миниатюрные, но, когда мы с ней принялись передвигать тяжелые столы, я понял, что вряд ли она уступает по физической силе любой девчонке нашего класса.

Первое наше дежурство прошло в совершенном молчании. Я не знал, о чем спрашивать, хотя мечтал услышать ее голос. Ведь я же был в курсе, что она умеет говорить – по крайней мере, петь точно. Оставалось лишь пялиться на ее каштановый затылок и отводить глаза в тот момент, когда она поворачивалась в мою сторону.

Второй раз нам выпало вместе дежурить уже поздней осенью. После того, как мы расставили все тарелки по столам, образовалась небольшая заминка в работе. Нужно было

подождать, пока «Иванна» (эту работницу столовой все так звали – от директора до первоклашек) нарежет хлеб и выложит его на поднос.

Мы сели с Венерой на скамейку и стали ждать.

– Ты ведь моя соседка? – спросил я непринужденным тоном. Девочка не ответила и, немного склонив голову, начала рассматривать собственные руки. В следующий раз мы смогли бы поговорить только зимой, поэтому я решил не сдаваться.

– Я знаю, что тебя зовут Венера. А меня – Тимофей, можно просто – Тим! – в ответ – молчание. Мне почему-то вспомнилась комната матери и серая занавеска, скрывающая ее кресло, хотя я не был там с того самого дня, когда отец попытался заставить меня поздравить ее.

– Это ведь ты купалась в тот день в Белой речке? Рядом с большим деревом? Ну, чего ж ты молчишь-то?! – я разозлился и решил во что бы то ни стало добиться ответа от нее. Она встала со скамейки и медленно пошла к окошку, где ставили подносы. Я вне себя от гнева догнал ее и, ухватившись за маленькие плечи, резко развернул.

– Кто тебя просил вытаскивать меня из воды? – зашипел я, боясь, что нас услышат повара. – Я знаю, что ты можешь говорить! Вот и говори со мной!

Ее потемневшие глаза смотрели на меня и сквозь меня. Она несколько не испугалась, но губы ее слегка искривились: чего доброго, она может и разреветься...

Совсем расстроенный, я выскочил из столовой, а затем и из школы. Бежал я долго-долго, пока не оказался в поле, от которого рукой подать до нашего дома. Там я упал ничком в траву и разрыдался.

Я не понимал, почему в груди так мучительно больно, почему слезы текут и текут и остановить их нельзя. Затем я, опустошенный, перевернулся на спину.

Небо было чистым, и солнце светило почти по-летнему. Минут через десять я ощутил, что все-таки замерзаю, и вспомнил, что выбежал из школы, не одев верхней одежды. Встав, я побрел домой. Классуха, конечно, обязательно нажалуется отцу, но ноги сами несли меня прочь от места преступления. Воспоминание о том, как грубо мои руки схватили ее, а потом развернули, жгло изнутри. Всю ночь я промучил себя этим, а к утру у меня созрел новый план.

Глава 4. Бассейн

Никто из двадцати четырех человек нашего класса не помнил случая, чтобы в школе объявлялся новый учитель. Это было настолько необычно, что на него приходили поглазеть не только ученики старших классов, но и некоторые преподаватели.

Уже на первом уроке кто-то распустил слух, что Бьерк приехал якобы не из Центрального города, а с материка. Впрочем, в это мало кто из нас верил: всем было известно, что приехавшие с материка не попадают просто так в провинциальные сектора Красной Долины.

– Нечего им здесь у нас делать! – говорил сельский староста Кровельцев моему отцу, когда мы все съезжались на обед в общую столовую во время весенне-осенних полевых работ. – Те, кто с материка, без своих коммуникаторов и шагу ступить боятся – а у нас этой гадости никогда не было и не будет. Я удивляюсь, почему было разрешено их использовать в Центре! Для адаптации, видите ли... Если не можешь – вали обратно на материк, никто тебя сюда не звал!

Все остальные взрослые думали так же. Папа вообще не любил говорить на эту тему. Как-то после Дня поля мы задержались с ним у его друзей в Южном. Отец порядочно перебрал и едва не подрался с приезжими из Центра.

– Кто там говорит про коммуникаторы? Пусть приезжают ко мне домой и посмотрят на мою жену! – кричал он, ударяя кулаком по столу. – И те сволочи, которые думают по-другому, пусть только попробуют сунуться к нам в Красную Долину!

В том же духе заканчивались и мои расспросы на эту тему – именно поэтому я старался не разговаривать с папой о коммуникаторах.

– Для начала давайте проверим ваш общий уровень знаний по моему предмету. Доставайте-ка отдельные листы – проведем небольшую контрольную работу! – произнес новый учитель спустя десять минут после первого знакомства с нами.

Класс недовольно загудел, но деваться было некуда.

– Да не волнуйтесь, нужно ответить всего на два вопроса! Итак, записываем. Первое: назовите известные вам поселения Красной Долины. И второе: с чем граничит Долина на севере? Листки можно будет сдать после выходных, так что есть время подумать.

Вообще, география не относилась к числу моих любимых предметов – мне больше нравилась история и литература. Но Бьерк преподавал совсем не так, как прежний учитель.

Уже на второй встрече он объявил, что организует факультатив.

– Тем, кто доблестно продержится до весны, обещаю устроить пятидневный поход к границе Долины. Будет интересно, уверяю вас!

Я записался на факультатив один из первых.

Впереди были выходные, все полевые работы, слава Богу, давно закончились – это означало, что мои обязанности теперь состояли всего из двух пунктов: сделать уроки и выгулять Кейса.

Бывший дом Докучаевых, в котором теперь жила семья Венеры, располагался ниже по течению реки. За ним уже начинались земли Южного сектора. Если идти быстрым шагом, то до первых докучаевских полей можно было добраться минут за сорок. Я боялся, что Кейс все испортит, но оставить его означало бы вызвать у отца лишние вопросы. Да и, кроме того, собака служила хорошим оправданием того, зачем я брожу по чужим полям: «Мол, извините, просто гулял-гулял и как-то вот зашел не туда».

Весь мой грандиозный план состоял в том, чтобы встретить Венеру вне стен школы. Может, у нее есть любимые места прогулок? Или их семейство на выходные куда-нибудь выезжает? Даже если бы я просто увидел ее силуэт, мелькнувший в окне дома, этого было бы вполне достаточно, чтобы оправдать мой поход.

Вышел я в обычное время своих дневных прогулок. Кейс, забавно взмахивая длинными ушами, побежал в направлении Заречки, но я свистнул его и зашагал в сторону Южного.

У Докучаевых я был всего два раза – вместе с отцом. В первый раз мы покупали у них зерно для посева. По слухам, оно было привезено с материка, однако тот год случился неурожайным, и это мало кого интересовало. Второй визит был связан с тем, что у нас забарахлила воздушная подушка у телеги, а Докучаев-старший считался спецом по этой части.

Идти пришлось дольше, чем я рассчитывал. Через час я заметил межевой столб, который означал границы наших полей.

О родителях Венеры я совсем ничего не знал, поскольку боялся лишний раз спрашивать о ней. Бывший дом Докучаевых окружал сад, посаженный задолго до моего рождения. Как рассказывал папа, когда-то яблоки из этого сада славились далеко за пределами нашего сектора. Однако последние лет десять сад пребывал в запущенном состоянии, и яблони стали вырождаться.

Подойти к дому можно было с двух сторон. Натоптанная тропинка со стороны реки вела к центральным воротам. Однако я предпочел ту, которая шла через заброшенный сад. Я надеялся таким образом остаться незамеченным.

Все деревья стояли голые; почерневшие листья под ними устилали ровным мягким ковром едва заметную тропку, посыпанную речным гравием.

Метров через сто я услышал знакомый мужской голос. От неожиданности я остановился и шепотом позвал к себе Кейса.

– Только не вздумай лаять! – умоляюще сказал я ему. – Иначе я больше тебя никуда не возьму!

Кейс понимающе посмотрел на меня и, усевшись, начал чесать себе ухо. Через некоторое время я снова услышал мужской голос, а затем раздался смех. Ее смех.

То, что смеялась Венера, не было никаких сомнений. Мне даже почудилось, что она хлопает ладошкой по воде – так же, как тогда летом на реке. Я судорожно соображал, что делать, и уже не раз пожалел, что взял с собой собаку. Наконец, я двинулся вперед – туда, где слышались голоса.

Еще до того, как сквозь деревья показалось нечто бело-синее, я вспомнил, что на краю Докучаевского сада находился старый неработающий бассейн, дно которого покрывали многочисленные трещины. По всей видимости, новые хозяева сумели восстановить его – только вот зачем? Ведь рядом была река! Затем я услышал характерные всплески воды, будто кто-то купался совсем рядом. При мысли об этом я внутренне поежился: через несколько дней закончится теплый в этом году ноябрь. По ночам вода в лужах покрывается ледяной коркой. Неужели им не холодно?

Сделав еще несколько шагов, я наткнулся на какое-то полупрозрачное сооружение. С первого взгляда оно напоминало пленочные парники, которые так любят сооружать жители Южного. Пленка была натянута на полукруглый металлический каркас, полностью накрывавший пятиметровый бассейн. Изнутри полупрозрачное покрытие запотело настолько, что я тут же перестал опасаться, что меня смогут увидеть. Единственное, чего стояло бояться, – лай Кейса, так как, судя по всему, пленка отлично пропускала звуки.

– Ну, Веня, еще минут десять – и домой! Договорились? – сказал мужчина. В ответ раздался звонкий девичий смех и хлопок ладонью по воде.

Я был готов поклясться, что знаю, кому принадлежит мужской голос, но никак не мог вспомнить, кто же это. Начав обходить бассейн по кругу, я начал искать что-то похожее на дверь или окно. Но везде была гладкая пленка – без всяких швов или прорезей. Кейс следовал за мной по пятам, нюхал пленку, тыкался носом в бортик бассейна, но, слава Богу, был тих и задумчив.

Вдруг я услышал, как Венера запела. Слов я не понимал – наверное, потому что мешала полупрозрачная преграда, но голос мне очень понравился. Я присел на бортик бассейна и стал слушать невидимую певицу. Мне показалось, что я буквально на несколько секунд закрыл глаза. Эта дурацкая привычка выработалась еще в начальной школе на уроках музыки. Краем уха я уловил какое-то едва заметное шипение, но сразу же забыл про него, увлеченный пением девочки.

Оглушенный звонким лаем Кейса, я вскочил и тут только заметил, что пленка исчезла. На меня смотрели удивленные глаза Бьерка и Венеры, укутанной в пушистое полотенце. Не помня себя, я рванул сквозь деревья. Голые ветки цеплялись за мою одежду и царапали лицо, словно пытаюсь остановить. Кейс мчался за мной и, полагая, что я с ним играю, заполнял холодный воздух осеннего сада задорным лаем.

Глава 5. Папа уехал

Я с замиранием сердца ждал, что вечером того же дня в наш дом зайвится разгневанный сосед и расскажет отцу о моей хулиганской выходке. Однако выходные прошли без неожиданных визитов.

Утром я собирался в школу, как на расстрел. А тут еще отец за завтраком огорошил новостью, окончательно выбившей меня из колеи.

– Тим, мне придется съездить в Центр – дней на пять. Надо кое-чем запастись на зиму. Так что ты остаешься за старшего: на тебе мама и Кейс. Сегодня вечером я все подробно расскажу – насчет мамы, когда кормить, и все такое. Ты уж, наверное, подзабыл, как это делается?

В последний раз папа так надолго уезжал три года назад. Но тогда он попросил пожить в нашем доме старшую дочку Докучаевых. Сейчас он ни о чем подобном не упомянул, так что я побрел в школу в полной растерянности, даже позабыв на некоторое время о предстоящей встрече с учителем географии.

– Все сдали домашние работы? Ну, что ж, отлично. Сегодня мы как раз будем говорить и о Рондо, и о Южном секторе, и о Красной Долине. Кто подскажет, сколько всего секторов в Долине? – я старался не смотреть на Бьерка, бледнея при одной мысли о том, что он может рассказать о случившемся всему классу.

– Да мы это проходили! Сто раз про это говорили! – послышалось со всех сторон, особенно выделялся голос Майка.

– Вот и замечательно! – улыбнулся на это учитель и попросил старшего из Фрезеров подняться и ответить на его вопрос.

– А почему сразу я? – Майк все свои ответы начинал именно с этой фразы. Он поднялся с места, оглядывая класс в поисках подсказки.

– Мы говорили про сектора, – любезно напомнил учитель.

– Ну, сектора, значит. Их десять...

– Одиннадцать! – поправил кто-то с задних рядов.

– Ну, одиннадцать! – согласился Фрезер. – Наш – Рондо, еще Южный есть, Западный – это далеко, Центральный... Что прям все называть?

Бьерк кивнул. С помощью класса Майк перечислил требуемые названия и со вздохом облегчения сел на свое место.

– Хорошо. Ну, а кто ответит мне на такой вопрос: какие вы знаете места за пределами Красной Долины?

Постоянный гул детских голосов – перешептывающихся, хихикающих, иногда кричащих – полностью затих. Думаю, что многие, как и я, испытали не просто замешательство, а настоящий страх. Как можно «знать» о местах за пределами Красной Долины?!

– Там – коммуникаторы... – неуверенно произнес чей-то девичий голос с задних парт.

– Ну да, коммуникаторы, – спокойно согласился Бьерк. – Но там ведь не только коммуникаторы. Там есть города, дороги, космопорты. Кто-нибудь, кстати, из вас хоть раз видел звездолеты?

Класс молчал. Я не мог в тот момент четко сформулировать для себя, как вообще возможно оценить происходящее. Но я осознавал, что вопросы учителя очень и очень странные. Моя недавняя выходка возле бассейна по сравнению с этим – ничто.

Когда класс опустел, учитель географии прикрыл дверь и, подойдя к моей парте, сел напротив. Я молча вертел в руках карандаш и чувствовал себя, точно преступник на допросе.

– Итак, Тимофей Волский...

– Вольский, – поправил я.

– Ну, по крайней мере, ваша самостоятельная работа подписана именно так, как я сейчас произнес.

Я покраснел. Когда я краснею, мои уши становятся пятнистыми – бледно-розовыми. Я жутко стеснялся этой своей особенности и поэтому краснел еще больше, если вспоминал про уши.

– В субботу вместе с дочкой мне посчастливилось наблюдать вас в нашем саду. Не скажу, что это особенно меня огорчило, но...

– Я больше не буду! – как я ни старался, глаза предательски повлажнели, а в носу защипало.

– Да, повторять, пожалуй, не стоит, – покачал головой Бьерк. – Но хотелось бы узнать, что вы все-таки там делали? Зачем-то же вы пришли в сад?

– Я гулял... Мы с Кейсом гуляли – и зашли просто, нечаянно...

– Нечаянно? – усмехнувшись, переспросил Бьерк. Я кивнул, ощутив, что пятна на ушах стали ярче.

– Ну, что же, Тим: я посоветовался с Венерой, и мы решили, что если вы с Кейсом... Правильно назвал? Ага. Так вот – если вы с Кейсом еще раз нечаянно окажетесь в нашем саду, то не следует при этом так поспешно покидать его. Можно зайти к нам на чай – соседи все-таки...

Я не поднимал на него глаз. Затем он отпустил меня, и я побежал на следующий урок. Кажется, все вышло гораздо лучше, чем можно было надеяться.

Я провожал отца так, будто видел его в последний раз в жизни.

– Ну, что скис-то? – ободрял он меня, но я был рассеян и всё надеялся, что он останется. Что-то вдруг произойдет, изменится – и он никуда не поедет... Но мои ожидания были напрасны. Папа обошел вместе со мной все наше нехитрое хозяйство: два сарая с сельхозинструментами, запасами продуктов и семенами на следующий сезон; двор, безраздельным хозяином которого являлся Кейс. Была еще отдельная постройка для телеги, которую папа именовал «гаражом». Я это слово слышал только от него и долгое время полагал, что отец сам придумал такое смешное название.

– С едой у тебя проблем не будет – только успевай разогревать. Главное – не забудь, что у мамы режим, ее нужно кормить три раза, время я тебе уже называл, – говорил отец, пока мы поднимались по лестнице на второй этаж. Это была самая тягостная для меня обязанность; я не мог даже вообразить, как буду в одиночестве подниматься к матери и... кормить ее.

– Я думаю, что тебе лучше есть вместе с ней – тогда точно не забудешь, и режим не нарушишь. Все просто: встал утром, разогрел – поднялся к ней. Там сам поел, и ее покормил – я тебе сейчас все на месте покажу. Как пришел со школы – та же петрушка. Ну, и ужин – сам понимаешь.

Мы вошли в мамину комнату. Я начал вспоминать, когда же я был здесь в последний раз...

– Три месяца назад, – как бы мимоходом сказал отец. – Если ты думаешь о времени, то ты тут был давненько. Ага, ну вот смотри: вот тут у нее тарелки и другая кухонная утварь.

Папа показал мне на деревянный шкафчик, подвешенный на высоте человеческого роста и запирающийся на крючок. Потом он подошел к небольшому столику, сделанному из прозрачной твердой пластмассы.

– Здесь она обычно обедает... Ты знаешь, мы привезли ведь его оттуда, – отец многозначительно кивнул на столик, и я понял, что он имеет в виду материк. Папа настолько редко рассказывал о том, что было связано с нашей предыдущей жизнью, что я уставился на прозрачный столик, как на великое чудо, – хотя и видел его сотни раз.

– Так, теперь ванна и туалет! – отец решительно развернулся и подошел к тонкой межкомнатной двери, находившейся совсем недалеко от серой занавески, за которой стояло коричневое кресло и сидела мать. Он открыл ванную комнату, включил там свет и поманил меня рукой. Я ощущал себя, будто во сне: реакции были заторможены, в голове – туманно.

– Не беспокойся: она справляется со всем этим сама, – произнес он, как-то странно искривив рот. – Главное – приходи кормить ее.

Мы спустились вниз, и я ушел в свою комнату. О завтрашнем дне мне думать совсем не хотелось.

С отцом я расстался по пути в школу. Он был одет по-дорожному: за спиной висел рюкзак, в руках – две сумки.

– Ключи у тебя есть, об остальном ты тоже знаешь. Если возникнет что-то чрезвычайное – беги к соседям, я их предупредил!

Я даже не спрашивал его, к каким именно соседям нужно бежать. Он попрощался со мной по-мужски, пожав руку, и пошел в сторону Южного. Именно там находились подвижные платформы, на которых обычно ездили в Центральный город. Я путешествовал на них лишь однажды – лет восемь назад – и не помнил того, как выглядит Центр.

После школы я побежал домой, начисто забыв о том, что папы нет. И лишь увидев родную синюю крышу, я замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Дом показался мне опустевшим. На втором этаже, где солнечный свет заставлял вспыхивать искрами зарешеченное тонкой проволокой окно маминой комнаты, мне почудилось какое-то движение. Около часа я возился с Кейсом во дворе, открывал сараи и старался производить как можно больше шума. Мне представлялось, что громкие звуки изгонят страх, колом стоявший в моей груди. Но это был напрасный труд.

Наконец я открыл входную дверь и вошел в дом. Нужно было разогреть порцию полуфабрикатов и отнести обед наверх. Обычно мы готовили на газовой плите, но, уезжая, отец запретил мне пользоваться ей: полуфабрикаты можно было разогреть в специальной печи, работающей от электрических генераторов.

Поставив разогретую еду на поднос, я сел и стал смотреть в окно. Идти наверх очень не хотелось, но тут мне в голову пришла спасительная мысль: а почему бы не взять Кейса с собой? Мы запускали его в дом редко, папа не любил этого. «У собаки должно быть свое место», – говорил он, выставляя пса за дверь – если он иногда забегал в коридор вслед за мной.

Однако сейчас отца нет. Я вытру псу лапы, чтобы он не наследил, и поднимусь с ним – всё веселей! Решив, что это замечательная идея, я побежал во двор за собакой. Подниматься по лестнице на второй этаж пес не захотел, но мне удалось заманить его кусочком мясного полуфабриката. Толкнув дверь ногой, я вошел с подносом в руках и смело последовал прямо к серой занавеске. Поставив обед на прозрачный столик, я отодвинул серую ткань, скрывавшую кресло.

Мать сидела в привычной позе, запрокинув голову немного вверх. Она была одета в светло-желтый халат, который я ни разу не видел на ней. В полной тишине Кейс цокал когтями по деревянному полу, видимо, обнюхивая углы незнакомого ему помещения.

Подкатив столик к креслу, я достал вилку и нарезал хлеб. Теперь предстояло самое трудное.

– Она иногда ест сама, но нередко ее приходится кормить «с ложечки», – наставлял меня отец во время вчерашней «экскурсии». – Тут не угадаешь, Тим: от чего это зависит, я не знаю.

Я старался не смотреть маме в глаза: неподвижность ее взгляда пугала меня. Мать сидела, не шелохнувшись, и даже не взглянула на мой поднос. До сих пор я не произнес ни слова, ибо мне совсем не хотелось говорить.

– Я принес... Здесь – еда, – почти прошептал я и обернулся в сторону Кейса. Он лежал посередине комнаты и следил за нами. Не зная, что делать, я отошел от столика. Минут пять я сидел на корточках спиной к коричневому креслу и гладил пса. Затем я встал и снова подошел к матери. Ничего не изменилось. Все также молча я пошел к двери и позвал собаку за собой.

Пообедал я внизу и после занялся уроками. Часа через три я вышел с Кейсом на прогулку. До Заречки мы не дошли, потому что начался дождь и быстро стемнело.

Про комнату на втором этаже я вспомнил только перед сном. На этот раз Кейса я звать не стал и, быстро поднявшись по лестнице, распахнул дверь комнаты. В ней было

темно и душно. Включив свет, я в первый момент не мог понять, что изменилось. Уже через секунду от моей смелости не осталось и следа: коричневое кресло было пусто. По позвоночнику прошла легкая волна холода, и я инстинктивно отступил назад в коридор. Однако тут же я сообразил, что мать может быть в ванной. Действительно: за тонкой дверью горел свет. Я, стараясь ступать как можно тише, подошел к столику. Еда оказалась нетронутой.

Решив, что надо подождать, я сел на стул, стоявший ближе к выходу. Дверь в комнату осталась приоткрытой, и это придавало мне уверенность.

Минута шла за минутой, но мать всё не появлялась. Иногда из ванной доносились приглушенные звуки текущей воды, потом снова становилось тихо. Прождав с полчаса, я начал терять терпение.

«Может, позвать ее?». Мысль была хорошей, но я не знал, как это сделать. Никогда, сколько я себя помнил, я не звал ее и не обращался к ней.

– Я тут! – произнес я достаточно громко. Как и следовало ожидать, ответа не последовало. Тогда я подошел к ванной и толкнул дверь рукой. Открылась щель примерно с руку величиной.

– Я... Ты не поела! Наверное, еду надо убрать? А то испортится!

И тут произошло нечто странное. Кто-то изнутри резко толкнул дверь в обратную сторону, и она захлопнулась. Я вздрогнул и отодвинулся. Недолго думая, я схватил поднос и, закрыв за собой дверь комнаты, кубарем скатился вниз по лестнице. Убрав полуфабрикаты в охлаждающий шкаф, я пошел в свою комнату.

Нужно было ложиться спать, ведь завтра – в школу. Поразмыслив, я выглянул во двор, свистнул Кейса и, вытерев ему лапы, завел его в свою комнату. Потом заперся изнутри и улегся в кровать. Уснул я почти сразу и спал без сновидений.

Глава 6. Мама

Быстро собрав тетради в сумку, я перекусил на кухне, а затем поднялся с подносом на второй этаж. На завтрак для мамы я разогрел пшенку и налил стакан коктейля.

Мать сидела на своем кресле за задернутой занавеской. Столик тоже стоял на привычном месте. А ведь вчера я его оставил возле коричневого кресла!

«Значит, она его откатила сама!». Меня это удивило, и почему-то я почувствовал себя неуютно.

Я поставил поднос на столик и, отодвинув занавеску, снова подкатил его к креслу. Повторилась ровно та же сцена, что и вчера.

– Я принес завтрак! – сказал я достаточно отчетливо и, как мне показалось, излишне громко. Мать не двигалась. Тогда я взял ложку и осторожно дотронулся до ее руки, покоившейся на коленях. Опять – ничего. Я привстал и попытался вложить ложку ей в ладонь. Та выскользнула и упала на деревянный пол с глухим стуком.

Я поднял ее и, подойдя к большой металлической раковине, в которой мама мыла грязную посуду, сполоснул упавшую ложку струей воды.

«Еще минут двадцать – и я опоздаю в школу», – эта мысль подстегнула меня, и я, погрузив ложку в кашу, поднес ее к губам сидевшей в кресле. Губы были сжаты так плотно, что у меня ничего не получилось. Бросив ложку на поднос, я подошел к окну и принялся сквозь серебристую проволоку рассматривать двор.

– Почему ты такая? – сказал я и повернулся к ней лицом. Тишина комнаты от моих слов стала еще ощутимее. Непонятное чувство затаенной обиды обожгло мне грудь. – У всех матери – совсем не такие. Да, есть пострадавшие, но они – живые! А ты – ты просто сидишь, как!.. Как посудомоечная машина! – я выбежал из комнаты, схватил сумку с тетрадями и, закрыв центральный вход, пошел в школу. Сначала я испытывал что-то подобное торжеству. Мне казалось, что тот, кто давным-давно, еще в раннем детстве, очень сильно обидел меня, теперь наконец-то наказан по заслугам.

«Пусть! Пусть! И не надо! Захочет – поест. Нечего там сидеть и... притворяться!» – и вот когда я сказал самому себе это слово «притворяться» – тогда-то торжество во мне и исчезло. На смену ему пришло ощущение чего-то гадкого. Разбираться во всем этом уже не было времени: начались уроки.

Она не ела до самого вечера, а потом и весь следующий день. Я стал обедать и ужинать на втором этаже, пытаюсь как бы показать ей пример. Предлагал самые различные полуфабрикаты, и даже несколько раз силой попытался разжать ей зубы. Закончилось тем, что я испачкал ее едой и разлил стакан коктейля на пол...

Случилось это на третий день вечером – часов в восемь. Я поужинал, сидя перед ней на стуле. Затем попытался ее покормить или хотя бы напоить. Доведенный до отчаяния, я стал кричать на нее, а затем с силой попытался просунуть ложку сквозь сжатые зубы. Видимо, я попал ей в десны, потому кончик ложки покраснел. Испугавшись, я отпрянул. Затем правая рука матери, до того момента безвольно лежавшая на коленях, зашевелилась и резко дернулась вперед и вверх. Прозрачный столик опрокинулся, зазвенев разбитыми тарелками и подносом.

Вскрикнув, я бросился вон из комнаты. Спустя еще несколько минут вместе с Кейсом я побежал в сторону бывшего дома Докучаевых. Стало совсем темно, и накрапывал мелкий дождь вперемешку со снегом. Дороги почти не было видно, я два или три раза упал на скользких кочках и весь перемазался в грязи. При очередном падении я сильно ударился коленкой о какой-то острый предмет, наверное, камень и на мгновение замер, лежа в луже и скорчившись от боли.

Кейс сначала бежал впереди, а потом нехотя плелся сзади – весь мокрый и недовольный. Зубы у меня стучали от холода, и я надеялся только на то, что скоро увижу светящиеся окна Бьерков.

«Они специально... И отец уехал нарочно, и мать не ест – они всё подстроили, что помучить меня!» – проносились в моей голове злобные, как осы, мысли, и я ненавидел и родителей, и себя, и даже семью Бьерка.

Коленка разболелась настолько, что я стал сомневаться, что доберусь до Докучаевского сада.

«Папочка! Папочка! Папочка!» – мне казалось, что зубы мои отбивают такт какой-то дикой песни, с припевом, состоящим из одного этого призыва. После я неожиданно понял, что давно иду один: Кейс куда-то делся, и у меня даже не было сил позвать его. Наконец, когда отчаяние довело меня до крика, впереди замаячила желтизна оконного света. Это позволило мне сориентироваться и найти тропку в саду, посыпанную гравием.

Совсем забыв о звонке, я изо всех сил заколотил в дверь...

Мой вид так испугал Бьерка, что учитель некоторое время просто стоял в дверном проеме и смотрел на меня. Затем он завел меня в дом и сразу стал снимать мою покрывшуюся ледяной коркой верхнюю одежду.

– Сейчас, сейчас все расскажешь – сначала согреешься и обсохнешь! – говорил он торопливо. Я с облегчением подчинился ему, словно со стороны наблюдая за его действиями. Он посадил меня возле газовой печки, принес сухую одежду, а все мокрое развесил сушиться.

– Мама... Папа уехал... – начал я бессвязно.

– Да, да, – как-то виновато пробормотал Бьерк. – Твой отец предупредил меня, попросил меня, а я... У меня же тут... – он махнул рукой куда-то в сторону. – Ну, что стряслось, говори? С матерью что-то?

Я в нескольких словах описал ему произошедшее.

– Черт! Ну, почему в резервации запрещена телефонная связь?! По какому принципу они одно запрещают, другое разрешают? – произнес в ответ учитель. Смысла этой фразы я не понял, но каждое слово запомнилось очень четко.

– Давай так: ты еще часик греешься и сохнешь, а затем мы вместе бежим к вам.
Идет?

Я кивнул. Он заварил чай и долго смотрел на меня. Когда молчание стало оглушительным, он спросил:

– Тим, ты когда-либо общался близко с кем-нибудь из пострадавших? Ну, кроме матери, конечно.

Я отрицательно покачал головой.

– Раньше ее кормил только отец, так? Ты часто у нее бывал – в комнате? Ведь она, насколько я понял, оттуда у вас и не выходит?

Он задавал и другие вопросы – про отца, мать и меня. Я отвечал механически, без особого желания, но правдиво.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Штаны я тебя дам другие, а куртка, по-моему, уже подсохла. Собирайся – скоро пойдем.

Тут дверь кухни, где мы сидели, приоткрылась, и я увидел Венеру, одетую в бежевую сорочку, доходившую ей до пят. Она большими глазами смотрела на меня и поверх меня и молчала.

– Ах, Веня! – произнес Бьерк и по-женски всплеснул руками. – Ну, чего ты тут делаешь? Почему не спишь? Давай я тебя отведу, а нам тут надо... кое-что...

Учитель попытался взять дочку за руку, но она мягко выдержнула свою ладонь и осталась стоять на пороге.

– Венера! Это в конце концов просто неприлично! – строго сказал Бьерк, но девочка не двинулась с места. – Ну, хорошо. Мы сейчас с Тимом должны кое-куда сходить. Ты же не будешь здесь стоять одна до утра?

Она внимательно посмотрела на меня, затем на своего отца и вышла. Учитель облегченно вздохнул и побежал за ней.

– Тим, одевайся! Я сейчас буду! – крикнул он из соседней комнаты.

Я встал и, пощупав одежду, развешенную над печкой, решил, что она вполне годится для обратного пути. Натянув брюки, я одел куртку и стал дожидаться моего спутника. Время шло. Совсем согревшись, я начал, было, засыпать, как наконец услышал звук шагов. Сначала вошел уже одетый Бьерк, за ним появилась закутанная в шарф и дождевик Венера. На ней была также зимняя куртка и высокие сапоги.

– Она – с нами! – сказал учитель, и на этом все объяснения закончились.

Не успев еще спуститься с крыльца, краем глаза я увидел, как в нашу сторону метнулось что-то черное и мокрое. Кейс запрыгал вокруг нас и заскулил.

– Что ж, нас становится всё больше! – улыбнулся Бьерк, и мы пошли по садовой дорожке. Дождь продолжался, но ветер стих и идти стало легче. Заметив, что я прихрамываю, учитель нахмурился, но спрашивать ни о чем не стал. Он не выпускал руку дочери всю дорогу; я пару раз видел ее глаза, спрятанные в полупрозрачной глубине капюшона от дождевика. Они смотрели на меня, и я воображал, что в них светится сочувствие и любопытство.

«Она заставила Бьерка взять ее с собой! Значит, она может... Может – что? – я остановился на мгновение посередине грязной лужи, а затем поспешил дальше – вслед за двумя шагающими в темноте фигурами. – Может говорить! Ведь как-то он же ее понимает?».

К дому мы подошли около одиннадцати вечера. Бьерк по-хозяйски прибавил огонь в газовой печи, и мы развесили мокрую верхнюю одежду по стульям.

– Пойдем наверх! – сказал учитель. Дверь в мамину комнату была почти настежь открыта, и это напугало меня. Затем я вспомнил, что сам оставил ее распахнутой. Мать по-прежнему сидела за задернутой занавеской, а стол... Стол стоял на привычном месте, и на полу не было ни одного осколка!

– Она убрала! – я не смог сдержать восклицания. – Ведь тут все было перевернуто!

– Почему тебя это удивляет? – ответил Бьерк, усмехнувшись. – Твоя мать в конце концов не парализованная.

Поднос я нашел в металлической раковине. На нем были аккуратно сложены все осколки от тарелок.

– Думаю, что не стоит сейчас предлагать ей ужин, но вот чай... Как ты думаешь, Венера?

Дочка легкими шагами вышла из комнаты, и вскоре я услышал, что она ставит чайник на кухне.

– Пододвинь-ка вон тут стул, Тим, а я сяду сюда, – наш сосед уселся напротив кресла матери.

– Можно многое и о многом рассказать, Тим. Целой ночи не хватит. Но нам всем завтра в школу, ты не забыл? Поэтому долго говорить я не буду – надеюсь, ты сам со временем разберешься в этом, – учитель посмотрел на мать, потом на меня и продолжил. – Если я тебе сейчас начну рассказывать о коммуникаторах, о том, что пострадавшие не виноваты и так далее, – ты пошлешь меня к черту и будешь прав! Хватит того, что тебе отец об этом говорил... Знаешь, Тим, когда я однажды вернулся домой, то увидел, что вместо моей маленькой дочки, моей малышки, появился кто-то совсем другой. Нет, всё осталось вроде как прежде – Венера никуда не делась. Просто изменились ее глаза, и...

она разучилась говорить. И еще... Много чего исчезло и много чего появилось. Но сама Венера – осталась! Ты меня понимаешь, Тим? Моя дочь пострадала, но она жива. И я люблю ее такой, какая она сейчас есть. Понимаешь?

Он неожиданно схватил меня за руку и притянул к себе.

– Маленький негодяй! – сказал он со злобой. – Ты такая же сволочь, как и мать Венеры!

Он резко оттолкнул меня и начал ходить по комнате от одной стены к другой. Я вскочил со стула и стоял на ватных ногах, следя за его перемещениями.

– Как только она поняла, что случилось с Венерой, – исчезла на третий день! Испарилась! Мы перестали быть ей нужными. И ты... ты точно такой же! – Бьерк подбежал ко мне и взял за шиворот. – Как ты смеешь обращаться так... со своей матерью... Не-го-дьяй!

Он вдруг остановился и, покосившись на дверь, отпустил меня. Там стояла Венера с подносом и чайником в руках.

– Венюшка, извини меня! Не обращай внимания, это у нас так... Разговор по-мужски.

Девочка прошла мимо нас и пододвинула прозрачный столик к маминому креслу. На принесенном ею подносе горкой возвышались конфеты и печенье – из тех, что у нас остались в буфете. Повернувшись спиной и не обращая на нас ни малейшего внимания, Венера взяла руку моей матери и стала ее гладить. А потом возникла песня. Звуки были похожи на мурлыканье кошки – мягкие и нежно-горловые. Я буквально застыл на месте, боясь разрушить волшебство.

Через некоторое время девочка перестала петь, взяла печенье и незаметно сунула ее в ладонь матери. Рука мамы сжалась и неторопливо поднялась в направлении рта. Затем Венера опустила маленькую ложечку в кружку с чаем, предусмотрительно подула на нее и поднесла к губам сидевшей на кресле. Мать сделала несколько глотков, а затем, к моему изумлению, другой рукой сама взяла кружку и начала пить. Девочка хлопнула ладошкой по столу и тихонько засмеялась.

– Ну вот, – мягко и каким-то новым тоном сказал учитель, – все получилось. Теперь и нам можно попить чай. Правда, Тим?

Он пододвинул оба стула к прозрачному столику и заставил меня усесться на один из них. Девочка осторожно налила кипятку из чайника. Когда мать поставила кружку на стол, Венера добавила ей воды и слегка забелила молочной смесью.

– Веня, а ты что ж? Ты тоже пей! Замерзла небось! – учитель пододвинул дочке кружку. Потом мы вчетвером принялись чаевничать.

Взгляд матери был все так же неподвижен, она двигалась по-прежнему неуклюже и механистично. Но ведь и у Венеры были странные глаза, смотрящие вдаль. И меня это совсем-совсем не пугало.

Глава 7. Лыжная прогулка

Соседи устроились на ночь в папиной комнате. Когда всё успокоилось и затихло, я долго не мог заснуть и рассматривал щели и трещины на побеленном потолке над своей кроватью.

Боль в коленке почти прошла, но я с томительным наслаждением желал, чтобы она осталась и не покидала меня. Мне хотелось сохранить в памяти и ощущениях каждую деталь этого вечера: руку мамы, сжимающую печенье; Венеру, стоящую в бежевой сорочке; мокрого и печального Кейса; улыбающегося Бьерка, который говорил, что моя мама и его дочка очень похожи.

«И правда: ведь похожи! – думал я, переворачиваясь на бок. – Как будто она – ее мама, а не моя. Нет... Это моя мама! У Венеры есть Бьерк. А папа скоро вернется. И они – сейчас в его комнате, совсем близко...».

Проснулся я позже обычного, потому что забыл завести будильник. Бьерки возились на кухне. Пока я умывался, они успели приготовить завтрак.

– Доброе утро, молодой человек! – весело поприветствовал меня учитель. – Поздновато встаете – так и в школу можно до вечера не попасть.

Мы поднялись на второй этаж. Мать сидела на своем неизменном кресле уже в халате другого цвета. Она самостоятельно съела кашу и выпила коктейль. Завтрак прошел так непринужденно, как будто мы вчетвером каждое утро собирались за одним столом. И то, что двое из нас не говорили (да и не могли ничего сказать!), нисколько не мешало общей спокойной и радостной атмосфере.

И только когда мы втроем оказались в школьном дворе, чувство напряженности и тревоги вернулось. Сначала я не понял его причину. Но, взглянув на маленькие плечи шагающей рядом Венеры, я испугался того, что нас с ней увидят рядом.

«Если Фрезеры заметят меня вместе с Бьерками – у них будет повод смеяться над мной до самого лета!» – мысль мелькнула и погасла. Я замешкался у входа в здание школы и, пропустив учителя с дочкой, попятился назад. Минут пять, а может, и десять я выжидал, переминаясь с ноги на ногу, а потом – как ни в чем не бывало – прошел в школьный коридор. Ни Венеры, ни Бьерка я там не увидел. Войдя в класс, я ощутил, как

снова заняла ушибленная коленка, а внутри, где-то в районе груди, начала подниматься нестерпимая горечь.

– Нет ничего таинственнее и притягательнее ночного звездного неба, – учитель географии поднял вверх свой подбородок с небольшой острой бородкой – будто и впрямь любовался звездами. – О созвездиях, которые видны в Красной Долине, мы еще с вами поговорим – их впервые описали и дали им название многие тысячи лет назад. Кстати, сейчас, вот прямо в эту минуту, некоторые из людей находятся очень далеко от нашей планеты. Они летят на космическом корабле, и их цель – исследовать звезды, вокруг которых обращаются такие же планеты, как наша!

Тишина класса, зачарованного неспешным рассказом Бьерка, неожиданно нарушилась.

– Все это неправда! – раздался с задних парт уверенный голос старосты класса – Васьки Кровельцева (его отца несколько лет назад выбрали старостой Рондо). – За границей Красной Долины – только смерть и зло. Там – коммуникаторы, которые превращают людей в «овощи». Это слова моего отца, а он знает, что говорит!

Класс одобрительно загудел.

– И я тоже... – начал младший из Фрезеров.

– Пойдите! – прервал его Бьерк. – Если уж у нас возникла дискуссия, то давайте уважать друг друга и говорить по очереди. Кто хочет высказаться – поднимайте руку. Ну, вот начнем, к примеру, с вас! – он указал на Ника.

Тот немного сконфузился, но затем встал из-за парты.

– Васька прав. Все знают про коммуникаторы – вон сходите в «дебил-румы» и посмотрите на пострадавших, они вам, может, чего и расскажут да только навряд ли. А вы нам про какие-то космические корабли! – Ник сел и вызывающе окинул взглядом весь класс.

– Мне нет необходимости идти в коррекционные классы, – мягко ответил учитель. – Там учится моя дочь – Венера, и я прекрасно знаю о том, кто такие пострадавшие. Но это совсем не значит, что звездолетов нет. Я сам летал на одном из них.

На задних рядах кто-то фыркнул. Томительную паузу прервал школьный звонок.

Папа вернулся поздно вечером. Он вошел в дом, обвешанный сумками и различными пакетами. Я бросился к нему на шею, а потом мы с Кейсом бегали вокруг

него, кричали, лаяли и задавали глупые вопросы. Он смеялся, отвечал односложно, то и дело поглядывая на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Как она?

– Хорошо! – ответил я и, опередив его, первый побежал открывать дверь в мамину комнату.

Мать была одета в строгое вечернее платье, которое очень шло ей. Мы молча смотрели на нее несколько секунд, а затем отец подошел и поцеловал ей руку. Я не понимал, как же раньше мог не замечать изящности, светившейся во всем ее облике – даже в ее вечно застывшей позе.

О Бьерке и Венере я взахлеб рассказывал отцу весь следующий день. Он одобрительно кивал головой, говорил о том, что у нас отличные соседи. Когда же папа узнал, что я теперь обедаю и ужинаю в маминой комнате, он сначала не поверил, а затем вскочил и сгрэб меня в охапку.

– Это очень... Это замечательно, сынок! Я знал, что ты когда-нибудь поймешь, очнешься. Увидишь, какая у нас замечательная мама. Я тебе столько о ней расскажу! То, что она сидит в этом кресле – это ничего не значит. Она всё понимает, всё чувствует!

Впрочем, настроение его резко изменилось, как только он услышал от меня, о чем именно рассказывает Бьерк на уроках. Я просто хотел расспросить отца про звездолеты, телефоны и многое другое из того, о чем говорил нам новый учитель. В ответ отец заметно помрачнел и, вскочив, начал расхаживать по комнате.

– Он учит этому детей – родители, братья, сестры которых пострадали от коммуникаторов?! И ведь его дочь – тоже пострадавшая! – сильно волнуясь, говорил он. – Я действительно хорошо отношусь к Бьерку, но, попомни мои слова, он здесь долго не задержится. В Красной Долине не место таким людям! Тем более что в вашем классе учится сын старосты Рондо.

В общем-то, в реакции отца ничего необычного не было: эти темы всегда выводили его из себя. Однако его ответ меня все равно очень расстроил – я притих и старался больше не упоминать о Бьерке. Сама мысль о том, что Венера уедет, что я больше не увижу ее, вызывала во мне настоящее отчаяние.

Маленькая девочка со странными глазами стала для меня родным и близким существом. Мне казалось, что мы много раз с ней общались, разговаривали, гуляли и мечтали вместе. Я выдумывал за нее ответы на свои вопросы, и иногда доходило до того, что я действительно слышал Венерин голос, беседуя с ней где-то там, в моем воображении, а может быть – и наяву...

На выходных все поля побелели от снега. Буквально за сутки его выпало столько, что местами я проваливался по щиколотку. Снег падал неторопливыми пушистыми хлопьями, забираясь за шиворот и ласково касаясь ресниц. Как я оказался в саду Бьерка, знал, вероятно, только Кейс. Стучаться в их дверь было стыдно, но я ничего не мог с собой поделать: прожить все выходные и не встретиться с Венерой – было выше моих сил.

Увидев меня на пороге, учитель удивленно приподнял брови.

– Что-то с матерью опять стряслось? У вас же отец вроде бы вернулся!

– Да... Нет... – я не знал, куда деть свои руки, и старался не смотреть на него. – Я бы хотел, если вы, конечно, разрешите, с Венеркой погулять.

Бьерк прищурился и едва заметно улыбнулся.

– Такие вопросы в нашей семье решает сама Венера. Я сейчас ей сообщу, а ты пройди пока в дом – не на крыльце же стоять.

Ожидая в коридоре появления Бьерка и переминаясь с ноги на ногу, я принялся рассматривать различные предметы. Справа возвышался старый книжный шкаф, доверху набитый книгами и бумагами. Как я узнал чуть позднее, для них не нашлось места в других помещениях большого дома из-за того, что и остальные комнаты также были заставлены шкафами и полками с этим же содержимым.

Слева была еще дверь, в которой, скорее всего, располагалась кладовка. Что в ней хранилось, я узнал через несколько минут.

Венера вышла ко мне одетая в зимнюю короткую куртку и спортивные штаны. Бьерк, покачивая головой, говорил ей:

– Веня, снег только что выпал, а ты уже сразу за лыжи! Кстати, тебе, Тим, достанется моя пара.

Учитель толкнул дверь кладовки, включил там свет и исчез среди коробок, тюков, сумок и старой одежды.

– Молодежь, принимай! – из ниоткуда начали высовываться лыжи – по одной. Затем показались лыжные палки. Я поспешил ему на помощь, девочка же стояла в сторонке и была задумчива. Сердце мое колотилось от счастья: мы будем кататься с ней вместе! И больше никого! Никого!

Когда мы покинули двор, Венера съехала с тропинки и, уверенно лавируя между деревьями, устремилась по известному только ей маршруту. Я старался не отставать, но лыжные ботинки были слишком большими, я часто выскакивал из них и в конце концов почти потерял из виду синюю курточку Венеры. Кейс носился от нее ко мне, подметая ушами покрытую пушистыми хлопьями землю.

Гонка продолжать с полчаса. С непривычки я быстро выдохся и, тяжело дыша, едва переставлял ноги. Она ждала меня внизу небольшой горки, за которой открывался вид на замерзшую поверхность Белой реки. Подъехав к маленькой раскрасневшейся лыжнице, я остановился. Она отряхивала варежки и шапку от снега, все также продолжающего медленно падать со светло-серого неба.

– Ты прямо-таки мастер по лыжам! – сказал я, втыкая палки в снег. – А я уж давно не катался: в школе мы редко этим занимаемся, а дома – не с кем.

Кейс стоял между нами и слушал. Девочка присела на корточки и стала чесать псу за ухом. Я поднял голову кверху и поймал ртом несколько снежинок. Увидев это, она засмеялась. Ободренный успехом у зрителей, я принялся дурачиться и, соскочив с лыж, бегал вокруг Венеры с открытым ртом.

Насмеявшись, мы принялись гладить Кейса и катать его в снегу. Он рычал, лаял и, обидевшись, убежал от нас, усевшись в стороне. В наступившей тишине я спросил ее:

– Ты и вправду совсем не можешь говорить?

Она промолчала.

– Прости, я так... Как-то сорвалось с языка, – оправдывался я. Минут через тридцать мы подкатили к крыльцу. Я захотел сразу уйти, но Венера не позволила: она взяла меня за руку и чуть заметно подтолкнула в сторону двери. Я с радостью подчинился.

Затем мы пили чай на втором этаже. Пространство огромного зала бывшего Докучаевского дома сократилось вполовину из-за многочисленных полок и стеллажей с книгами. Я осматривал их с недоумением: у всех моих знакомых чтение не было в большом почете, и я никак не мог взять в толк, зачем одной семье нужно владеть столь обширной библиотекой.

За окном быстро стемнело. Провожать меня Бьерк пошел один. Поняв, что я ухожу, Венера выскользнула из зала и больше не возвращалась.

Одевшись, я замялся у двери, будто не решаясь выйти.

– Ты хочешь что-то спросить у меня, Тим?

– Да, Александр Иванович. Насчет Венеры... Как вы... понимаете ее? Она же не говорит?

Бьерк быстро взглянул на меня и, будто обжегшись, отвел глаза.

– Тим, скажи мне, как бы ты себя почувствовал, если бы вдруг оказался на месте своей матери? Сейчас ты можешь выбежать из дома в любое мгновение, погулять с Кейсом, поиграть в снежки, пойти в гости, поговорить с близкими. Но если бы ты все время сидел там – в комнате на втором этаже, прикованный к коричневому креслу – что

бы ты тогда ощущал? – он говорил медленно и проникновенно, словно пытаясь донести до меня значимость каждого слова. И у него это получилось: мне стало не по себе.

– Я бы... не смог. Я бы точно не смог. Я бы умер, наверное, с тоски!

– Венера была бы в таком же положении, а возможно и в худшем. Но она прошла курс реабилитации. Он очень длительный, нам с ней предстоит работать еще не один год, – учитель все так же внимательно смотрел на меня. Моя рука уже несколько минут лежала на дверной ручке, а я всё не выходил.

– Курсы реаби... От этого что – лечат?

Бьерк кивнул. Я молчал, так как просто не мог вместить в себя эту мысль, самую эту возможность. Затем мы попрощались, и я, позвав Кейса, направился домой.

Я точно не помню, о чем думал, пока шел по заснеженному полю. Вряд ли именно тогда созрело то решение, которое впоследствии определило дальнейшую мою жизнь да и судьбу всей Красной Долины. Скорее всего, я просто думал о маме и Венере. Мечтал о том, что мы когда-нибудь будем вместе, а пострадавших среди нас не будет вовсе.

Воспоминания о раскрасневшейся маленькой лыжнице вскоре заняли всё мое воображение, и я вернулся домой совершенно счастливым.

Глава 8. Суд

Наверное, если бы я был чуть внимательнее, то многое случилось бы иначе. Отец несколько вечеров подряд уходил из дома – на встречу со старостой Рондо. Он возвращался оттуда сумрачный и злой, и я не решался расспрашивать о причинах его плохого настроения.

Как-то утром, когда мы втроем завтракали в маминой комнате, папа, глядя куда-то в сторону, сказал:

– Тим, сегодня тебе не стоит идти в школу. Уроки все равно отменили.

Для меня это было новостью: вчера в школе никто не делал никаких объявлений на этот счет.

– Откуда ты узнал? – в общем-то, я обрадовался возможности отдохнуть денек-другой от учебной скукотищи.

– Староста сказал! – с непонятым раздражением ответил он, и всю мою радость по поводу неожиданных каникул, как рукой сняло. В ответ я пожал плечами и, подумав немного, сказал:

– Я тогда к Венере пойду! Раз уроков сегодня нет.

Отец вздрогнул и покосился на меня сумрачным взглядом.

– Нет. К ним тоже сегодня... нельзя.

– Нельзя? – я был в полном недоумении.

– Да, дома посиди. Я вот вернусь, и мы с тобой тут по хозяйству кое-что – делом займемся!

– А куда ты?

– Да отстань ты! Сказал – дома сиди! – сердито крикнул отец и почти выбежал из комнаты, хлопнув дверью. Я застыл на стуле, сидя рядом с матерью. Что-то мне подсказывало, что необычное поведение отца – это продолжение тех походов к старосте, которые так часто случались в последнее время.

– Мама, давай посуду помоем! – предложил я, пытаясь отвлечься от происходящего. Спускаться вниз к отцу, который, чертыхаясь, куда-то собирался, совсем не хотелось. Мыть вместе с мамой посуду я стал совсем недавно. Иногда мы занимались этим втроем с папой, превращая весь процесс в забавную игру. Однако сейчас мне было не до веселья.

Мать механически передавала мне очередную тарелку, когда я услышал раздражительное хлопанье входной двери – это ушел отец. Я подбежал с тарелкой к зарешеченному окну и долго смотрел на его удаляющуюся спину. Через несколько сот метров он свернул на ту дорожку, которая вела в сторону школы.

Я отвернулся от окна и машинально взглянул на лицо мамы. В нем было что-то непривычное. Мать стояла возле металлической раковины и смотрела мне прямо в глаза! Это было так странно, что я вздрогнул и произнес:

– Ма? Мам, ты слышишь меня?

Она продолжала смотреть на меня, но теперь ее взгляд как будто что-то выражал, все ее тело напряглось, словно она приготовилась к рывку. Я сделал несколько осторожных шагов, держа вымытую тарелку в руках.

– Давай домоем посуду? – я всё еще не мог прийти в себя: ее глаза не пусты, как обычно, а смотрят мне прямо в лицо! Вдруг ее тело дернулось, и она, переваливаясь, пошла на меня. Я отскочил, тарелка выскользнула из моих рук, но, упав, не разбилась, а только загромычала по деревянному полу. Мать на негибающихся ногах прошла мимо меня в сторону окна. Я следил за ней, не зная, что предпринять.

Она приблизилась к стеклу, сквозь которое была видна серебристая проволока, и застыла там в неподвижности. Обождав некоторое время, я начал обходить мать слева, пытаясь заглянуть ей в лицо. Когда мне это удалось, я снова вздрогнул: мамины глаза, только что устремленные на окно, вдруг посмотрели на меня, и рука ее начала медленно подниматься. Я замороженно глядел на нее, не смея пошевелиться. Рука приняла

горизонтальное положение и застыла так с ладонью, сжатой в кулак. Прошла еще минута-другая. Мать, как каменное изваяние, продолжала стоять возле окна с вытянутой рукой.

Понаблюдав за ней несколько минут, я решил спуститься на первый этаж. Уже выходя из комнаты, я заметил, что в позе стоявшей у окна что-то едва уловимо изменилось. Мама наклонилась вперед – так, что я испугался, что она может упасть на окно. И тут я обратил внимание на ее руку: из сжатой в кулак ладони торчал указательный палец.

Я вернулся и снова обошел ее слева. Мать словно только этого и ждала. Ее глаза сразу же поймали мои, и, к моему удивлению, я уловил в них какое-то осмысленное выражение – мне показалось, что она о чем-то просит или даже молит меня. Поднятая рука резко дернулась, и указательный палец едва не задел поверхность стекла.

– Мам! – сказал я хриплым от волнения голосом. – Там окно, осторожнее!

Прошло еще пять томительных минут, но ничего не изменилось. Я спустился на первый этаж и, одевшись, вышел во двор. Кейс завилял хвостом, надеясь на прогулку. Отойдя немного от дома, я попытался заглянуть в окно второго этажа и увидел там женский силуэт.

– Знаешь что, Кейс, – сказал я собаке. – Сбегаю-ка я к школе, куда ушел папа. А ты оставайся здесь!

Едва только показалась школа, я понял, что там происходит нечто необычное. Рядом со зданием собралось не меньше трехсот человек. Такую толпу я в последний раз наблюдал во время воскресной ярмарки в Южном году полтора назад. Подойдя ближе, я увидел, что среди собравшихся были люди не только из нашего сектора: отдельной кучкой стояли еще около десяти человек – явно приезжие, одетые в одинаковую серую форму. От толпы несся прерывающийся гул голосов. На знакомых и ранее всегда добрых лицах застыло тревожное выражение; некоторые женщины явно испытывали страх.

Предчувствуя беду, я начал пробираться в сторону центрального входа. В школьном дворе я нос к носу столкнулся со старшим из братьев Фрезеров.

– Что здесь такое? – спросил я, стараясь перекрыть гул голосов.

– А ты что – не в курсе, что ли? – насмешливо спросил Майк; его глаза горели, лицо покраснелось от радостного возбуждения, какое бывает у мальчишек перед интересной игрой или дракой. – Бьерка поймали! Он сектантом оказался! Да весь сектор уже гудит про это. Сейчас судить его будем!

Во рту у меня всё пересохло. Я стоял в первых рядах толпы, подкатывающейся волнами ко входу в школу.

– Ведут-ут! – раздалось сразу несколько голосов, и толпа, загудев, поднесла меня чуть ли не к самому крыльцу. Там же оказались мужчины, одетые в серую форму. В руках они держали черные продолговатые палки со светящимися синими наконечниками.

– Отодвинулись! От крыльца – на три шага назад! – скомандовал один из них пронзительным, режущим слух голосом. При этом палка в его руках угрожающе засветилась. Первые ряды послушно всколыхнулись и отнесли меня прочь от крыльца. Школьная дверь открылась, на пороге показался бледный учитель географии, который держал за руку свою маленькую дочь. Вслед за ним вышли Кровельцев-старший и еще двое в серых костюмах.

Староста сектора, грузный бородатый мужчина, поднял руку вверх, и голоса смолкли.

– Жители Рондо! Спасибо за ваш отклик и активную гражданскую позицию! Вы все наверняка знаете, что произошло и почему мы пригласили сегодня вас сюда! – загромыхал по школьному двору густой бас Кровельцева. – К сожалению, мы не смогли сразу распознать опасность. Наша вина усугубляется тем, что мы допустили этого человека в святая святых – школу, где обучаются наши дети.

Староста обвел взглядом собравшихся, а затем вскинул свою руку и указал в сторону Бьерков.

– Эти люди приехали в Рондо совсем недавно. Мы приняли их как добропорядочных граждан Красной Долины, мы поверили им, дали им работу, учебу, предоставили прекрасный дом. Чем же они отплатили нам за это? Черной неблагодарностью! Бьерк оказался вовсе не учителем, а членом опасной секты, цель у которой одна – превратить Красную Долину в землю коммуникаторов!

Последняя фраза отозвалась в собравшихся злобным стоном. По толпе прокатился гул возмущения, и я расслышал возгласы: «Гнать его в шею! Сволочь! Что с ним цацкаться! Гна-ать!». С другой стороны раздалось: «Громче говорите! Ничего не слышно! Громче!».

– Я не хочу выступать здесь один, чтобы никто не подумал, что это только мое мнение, – продолжил староста. – Предоставляю слово начальнику охраны Рондо и Южного – Уильяму Роджерсу!

От стоявших на крыльце отделился приземистый широкоплечий мужчина в серой форме.

– За сектой агитаторов-«коммуникантов» мы следим давно, – произнес широкоплечий по-военному четко и громко. – Они орудуют во всех секторах Красной Долины, перебираясь к нам с материка. Цель у них одна – подчинить нашу землю, сделать нас всех коммуникантами! Бьерк – один из них, и мы благодарны жителям Рондо за их бдительность, за то, что они помогли поймать преступника до того, как он смог нанести непоправимый вред!

– Судить его! Выгнать с позором из Красной Долины! Суди-ить! – раздались крики с разных сторон, и толпа угрожающе приблизилась к крыльцу.

– Теперь пусть выступят от общественности. Вот Федор Палыч Вольский желает. Пропустите! – пробасил староста, и я, похолодев, увидел своего отца, пробирающегося к школьному крыльцу, которое временно стала трибуной для выступлений.

– Мы не можем допустить того, чтобы нашим детям на уроках рассказывали о так называемых «красотах» и технических достижениях материка! – начал папа срывающимся от волнения голосом. – В семьях всех, кто здесь стоит, есть пострадавшие! Это горе, которое нам не исчерпать до конца наших дней. Красная Долина была в свое время создана как территория, свободная от коммуникаторов и всего того, что с ними связано. И мы будем отстаивать наше право жить без злобных порождений материка! Мы имеем на это право! А те, кто думают иначе... – лицо отца, покрытое бледно-розовыми пятнами, обернулось в сторону Бьерков, – пусть выметаются из нашего сектора!

Толпа одобрительно загудела. Отец ушел с крыльца, смешавшись с первыми рядами. Тут на «трибуну» выбежала рыжеволосая женщина – я тут же узнал мать Фрезеров.

– Да чего тут разбираться! – закричала она. – Вон из Рондо! Вон из Долины! Вон из Рондо! Вон из Долины!

Многие собравшиеся поддержали ее, и минуты две-три голоса на разные лады скандировали ее «речовку». Когда рев толпы начал стихать, вдруг что-то всколыхнулось и послышался тонкий пронзительный крик. Сердце мое подпрыгнуло и остановилось где-то в горле. Не помня себя, я пробрался, усиленно работая локтями, чуть ли не к самому крыльцу.

Я заметил, что Бьерк, слегка согнувшись, держится за скулу, а Венера плачет, уткнувшись ему в живот.

Начальник охраны поднял руку и рявкнул:

– Швыряться камнями запрещаю! Мы – цивилизованные граждане! За-пре-щаю!

В этот момент снова что-то мелькнуло в воздухе, и Венера вздрогнула, чуть присев. Небольшой камень попал ей в спину. У меня поплыли кровавые круги перед глазами, и я,

как во сне, побрел в сторону Бьерков. Я был уже на крыльце, как кто-то сильный подхватил меня и перенес в сторону толпы.

– Что ты тут делаешь?! – бледное взволнованное лицо отца нависло надо мной. Я немного оправился и оттолкнул его руку.

– Они... Камни, папа! Они попали в Венеру! – прошептал я.

– Я видел! Стой здесь! – отец оставил меня и побежал к крыльцу.

– Если я замечу, кто это творит, – я лично, лично, слышите, найду его потом и вытрясу душу! – услышал я грозный отцовский голос. Нырнув вниз, я снова пробрался в первые ряды и, улучив момент, когда человек в серой форме отвернулся, скользнул к Бьеркам.

Толпа гудела, голоса сливались в один рык, и старосту, который пытался еще что-то сказать, совсем не было слышно.

– Венера! – я тронул девочку за плечо. Она вздрогнула и не обернулась ко мне, все также прижимаясь к животу стоявшего учителя. Бьерк, левая щека которого посинела и была в крови, заметил меня и чуть кивнул.

– Венера, не бойся! Не бойся их! – всхлипывая, говорил я. – Я не дам им обидеть тебя! Мы не дадим... Пожалуйста, ну не плачь...

Дочка Бьерка искоса взглянула в мою сторону. Ее смотрящие вдаль глаза были полны слез.

– Итак, общее собрание постановило, – слышался бас старосты во время ненадолго наступившей тишины. – Изгнать семью Бьерка из наших секторов в однодневный срок! Рекомендовать центральному Совету старост установить полный запрет Бьеркам на проживание в Красной Долине!

Толпа одобрительно загудела, тут кто-то схватил мою руку и попытался оттащить от учителя и его дочки. Я изо всех сил уцепился за одежду Бьерка. Отец оторвал меня и потащил сквозь толпу. Я вырывался, бил его по плечам, кричал и, по-моему, пытался укусить. Как мы вернулись домой, я уже не помнил.

Забившись в самую глубину своей кровати, я пробыл в таком положении до утра следующего дня. Папа не подходил ко мне и не пытался утешить – все равно это было бесполезно.

Глава 9. Проводы

Проснулся я очень рано – еще не было пяти часов. Темнота за окном не предвещала ничего хорошего. Стараясь не шуметь, быстро оделся, открыл дверь своей комнаты и

пробрался в коридор. Там я накинул куртку, надел шапку и сапоги, и, прислушиваясь к оглушительному стуку собственного сердца, принялся отпирать скрипучую входную дверь. Я потратил минут десять, но благодаря этому сумел выйти из дома беззвучно. Кейса оставил во дворе – мне было совсем не до него.

Морозное утро освежило отяжелевшую от слез голову. Я бежал по хорошо знакомой тропинке, опасаясь, что не застаю Бьерков. Ни одно из окон не было освещено, но я, не думая об этом, забарабанил в дверь бывшего Докучаевского дома. Мне открыл Александр Иванович, который, судя по его усталому лицу, почти не спал. Я бросился к нему и обнял. Он прижал меня, а затем, похлопав по спине, немного отстранил.

– Ну, чего ты такой зареванный? Ты же мужчина, а ведешь себя, как Венера, ей-богу! – его голос слегка дрожал, и от этого плакать захотелось еще сильнее. – Это хорошо, что ты пришел так рано, потому что днем мы уже уедем. Хочешь с Венькой попрощаться?

Я закивал, быстро скинул сапоги и побежал вслед за выцветшим свитером учителя. Он подвел меня к спальне дочери и постучал в дверь.

– Вень, ты оделась уже? Я к тебе тут кавалера привел – проститься хочет! – от слов Бьерка я покраснел, и волна робости заставила окаменеть мои ноги.

– Ну, что застыл? Или раздумал? – он подтолкнул меня вперед, и я вошел в комнату. Она сидела на краю кровати спиной ко входу. Я услышал, что дверь сзади деликатно прикрылась. Постояв с минуту на месте, я сделал несколько шагов в сторону сидящей девочки. Мне хотелось увидеть ее лицо, и в то же время я боялся этого. Ее распущенные каштановые волосы беспорядочно лежали на маленьких плечах; одета она была по-дорожному.

– Ты простишь нас? – сказал я и не узнал свой хриплый голос. – Мой папа совсем не такой, на самом деле он не хочет, чтобы вы уезжали. И я не хочу! Очень не хочу!

Венера обернулась. Ее заплаканное лицо показалось мне незнакомым, но глаза смотрели все так же – сквозь меня. Я почувствовал себя под ее взглядом маленьким и никому не нужным. Переступив с ноги на ноги, я присел на стул, стоявший рядом с ее кроватью. Она быстро поднялась и, подойдя ко мне, села на пол. Я вздрогнул от неожиданности и привстал. Венера уверенно взяла мою правую руку и положила себе на голову. Затем, ухватив ладошкой мои пальцы, стала медленно вести их по затылку – от уха к уху. Я ощутил тонкий выпуклый предмет, похожий на металлический ободок или проволоку. Мне почудился тусклый блеск металла в каштановых волосах девочки. Тут она стремительно вскочила на ноги и, распахнув дверь, выбежала из комнаты.

Ошеломленный, я все еще стоял рядом со стулом, когда на пороге появился отец Венеры. Не говоря ни слова, он прошелся по комнате и сел на кровать.

– Она что – показала тебе голову? – спокойно спросил учитель. Его левая щека была заклеена пластырем, скрывавшим кровоподтек. Вокруг пластыря синел большой след от брошенного камня.

– Что у нее там? – спросил я, смутно догадываясь об ответе.

– Коммуникатор, одна из последних моделей. У меня – такой же. С помощью этих приборов мы с Венерой общаемся друг с другом, – произнес Бьерк, испытывающе глядя на меня.

Я молчал, безуспешно пытаюсь разобраться в самом себе: буквально несколько секунд назад моя рука касалась того, о чем некоторые в Рондо опасались даже упоминать. Это то, что превратило мою маму в застывшую посудомоечную машину. То, что так ненавидел отец. «Одна из последних моделей...».

– Зачем вы нацепили ей это? – спросил я так, словно обращался к человеку, вина которого давно доказана.

Лицо его исказилось, и он отвернулся от меня.

– Ты пришел, чтобы проститься? Или тебя кто-то подослал сюда, чтобы выведать какую-нибудь гадость о нас? – спросил он сквозь зубы. Мои уши покрылись бледно-розовыми пятнами, и я отрицательно замотал головой. Он устало подпер кулаком подбородок и посмотрел мне в глаза.

– Извини, Тим... Это я так – сорвался. Мне простиительно... – он тронул разбитую щеку и закрыл глаза. – Тим, у нас с тобой не так много времени. Скорее всего, мы больше никогда не встретимся с тобой, и это действительно печально. Мы с Веней полюбили тебя... Сядь на стул, мне нужно сказать тебе что-то важное. Я хочу, чтобы ты запомнил мои слова – и как можно крепче.

Я подчинился и сел напротив сгорбившегося Бьерка.

– Коммуникаторы... – Бьерк задумчиво потер лоб рукой и взялся за свою поседевшую бородку. – Ты о них еще услышишь. Захочешь найти информацию – и найдешь. Я на это время тратить не буду. Мне хочется помочь тебе, и поэтому я расскажу о самом важном. Понимаешь, Тим, там, на материке, действительно уже никто не представляет себе жизни без этих приборов. И если они у кого-то вызывают проблемы – ну, вот как у пострадавших, таких, как твоя мать или моя дочь – то это расценивается, всего лишь в качестве «платы за прогресс». Впрочем, я опять не о том... Вот что самое главное: лечить пострадавших можно! И попытки такого лечения предпринимались не раз и не два, но, как правило, безуспешно. Совсем недавно одна группа людей, тебе вовсе не обязательно знать о ней подробности, выяснила, что «клин клином вышибают». Понимаешь? Лечить пострадавших возможно, используя те же коммуникаторы! Там,

конечно, есть ряд особенностей, своя метода – об этом тебе сейчас все равно бесполезно говорить. Но самое-самое важное ты ведь уловил, Тим? – он взял меня за руку. – Тим, ты понял, что я говорю? Страх перед коммуникаторами, попытка закрыться от них здесь, в резервации, – это путь в никуда!

Он встал и нервно начал ходить из стороны в сторону, с каким-то сомнением и даже с отчаянием глядя на меня.

– Ты еще, вероятно, слишком маленький... Но ты можешь, ты обязан понять! Я сам прежде, чем осознал и принял эту идею – знаешь, через что прошел? Это трудно, но возможно! Запомни: чтобы победить болезнь, нужно принять ее причину, а не прятаться от нее. Я уверен, Тим, что твоя мать также сможет поправиться, если... Ну, ты понимаешь?

Мне стало по-настоящему страшно. Я и в самом деле не понимал и половину того, о чем он говорил – и вовсе не потому, что это было сложно для моего возраста. Бьерк ходил туда-сюда, обращался ко мне и жестикулировал, а я думал только об одном: «Он сказал, что и у него – тоже. И у Венеры, и у него *они* есть. Там, в волосах...». И дрожь пробегала у меня вдоль позвоночника, вызывая неприятный озноб.

– И твоя мать, и другие пострадавшие могут выздороветь! У них есть шанс исправить всё и вернуться к норме. Ты хоть представляешь, насколько это грандиозно?! – он остановил свое хождение и взглянул на меня. – Тим, скажи что-нибудь, ради Бога! Ты понимаешь, о чем я тебе тут толкую?

– Мне кажется, Александр Иванович... Кажется, что с Венерой можно общаться и без них, без коммуникаторов – она и так всё понимает, – пробормотал я вполголоса.

Он сложил руки на груди и усмехнулся.

– Тим, не будь таким же твердолобым, как... Как те, кто нас сегодня «судил». Судьи чертовы! – он с презрением передернул плечами и продолжил. – Поверь мне, если бы можно было обойтись без коммуникаторов – то я выбрал именно тот, другой путь. Я сам ненавижу эти проклятые штуковины! – Бьерк провел указательным пальцем по своему затылку. – Ведь именно коммуникаторы в свое время чуть не погубили Венеру...

Он снова начал свое мерное хождение. Прошло минут пять в полном молчании. Я забеспокоился, не забыл ли он о моем присутствии, и слегка заскрипел стулом, будто бы для того, чтобы устроиться на нем поудобнее. Он взглянул на свои наручные часы, и лицо его приняло озабоченное выражение.

– Нам надо закончить сборы в дорогу. Мы возьмем с собой совсем немного вещей – за остальным приедут грузчики. В основном, за книгами.

– Я могу помочь...

– Нет, Тим, – он покачал головой. – Это исключено. Тебя не должны лишний раз видеть вместе с нами. Лучше, если ты вернешься прямо сейчас к отцу – он, наверное, уже обнаружил, что тебя нет, и беспокоится. Скоро сюда придут староста и охранники... В общем, пора, Тим!

Он решительно открыл двери комнаты, и я поплелся за ним. Я напяливал куртку и сапоги, а учитель молча смотрел на меня. Когда я оделся и взялся за дверную ручку, он слабо улыбнулся.

– Тим, ведь ты уже почти взрослый. И, быть может, мы с тобой больше никогда не встретимся... – он стоял бледный, как гипсовая статуя.

Я кивнул. В моей душе была пустота и странное равнодушие ко всему. Бьерк еще раз смерил меня взглядом и протянул руку, как взрослому. Я пожал ее и, открыв дверь, спустился с крыльца.

Покрытая снегом земля блестела от утреннего солнца. Ветер разогнал облака, и небо радовало глаз чистотой и головокружительной глубиной. Я прошел мимо законсервированного на зиму бассейна и уже вышел за границы старого яблоневого сада, как вдруг услышал легкие шаги. Обернувшись, я увидел бегущую Венеру – верхние пуговицы ее курточки расстегнулись, а белая шапка-ушанка съехала на лоб.

В моей жизни потом случалось много счастливых и печальных событий. Некоторые из них не раз возвращались ко мне в форме «картинок»-воспоминаний и в сновидениях. Но вот этот момент – бегущая проститься со мной навсегда девочка в синей куртке и каштановыми волосами – запечатлелся ярче всего. Ни время, ни болезни, ни старость не смогли затуманить его и отнять.

Я возвращался домой, понимая, что лучше не думать о произошедшем. Лучше вернуться к этому как-нибудь потом – когда эмоции утихнут, а судорога перестанет сжимать горло.

Отец ждал меня на пороге. Вероятно, он готовился сказать что-то, быть может, даже выругать, но, увидев мое состояние, промолчал.

– Хочешь позавтракать с мамой? – спросил он чуть позже. Я кивнул, и мы поднялись вверх. На прозрачном столике стояли чашки и вскипевший чайник.

– Знаешь, Тим, – отец пригладил рукой непослушные вихры на моей голове. – А ведь мама у нас теперь поёт! Да-да, не удивляйся, я и сам не знаю, почему она начала это делать. Представляешь, сегодня утром зашел к ней в комнату, начал доставать чашки и слышу: кто-то мурлыкает песню себе под нос! Так нежно-нежно, как кошка. Правда, это здорово?

Я улыбнулся в ответ и попросил его передать печенье. Маме, как всегда, досталась пшенка и молочный коктейль.